

ХРИСТИАНСТВО И РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

И.А. Грищенко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого»,
Республика Беларусь

Русская идентичность не отделима от православия. На символическом уровне это находит свое выражение в узнаваемости русского пейзажа по маковкам церквей, в душевной проникновенности древнерусской иконописи, красоте божественной литургии. Эстетическая компонента для русского человека не менее значима, а в какой-то степени существенна для передачи истины, поскольку божественная истина не может принимать безобразные формы. По словам Платона, красота – убедительная сила истины, поэтому величие православного богослужения не является инсценировкой, «это выражение народного духа в форме красоты вещей, воспринятых духовно нутром» [5, с. 60]. Этическая обусловленность красоты, соотношение этического и эстетического стало для русского человека проблемой философской. Устами своего героя в романе «Бесы» Ф.М. Достоевский утверждает, что без одной только красоты прожить человеку невозможно. Достоевский полагает, что воплотимость идеала, возможность его осуществления в исторической реальности гарантируется наличием в мире красоты. Эстетические переживания оказываются, по существу, сакральными, «поскольку они движут нашу душу к Богу» [3, с. 495]. Для Достоевского также очевидна этическая двусмысленность красоты: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердце человека». Но это не означает дискредитации самого эстетизма, поскольку зло красотой *прикрывается*, а добру красота *присуща*. Длительное время богословие, доктрина были уделом узкого круга людей. Большинству же верующих истина христианства передавалась через внешние знаки, символы (архитектура, иконопись, фреска), а также через красоту божественной литургии. «Русское православие – это православие молитвы» [5, с. 59]. В этом вся тайна православия: «Православное богослужение есть уже проповедь..., но литургия есть полный круг научения, сверх коего не нужно ничего человеку» [6, с. 230].

Однако церковь нельзя воспринимать как фольклорно-национальный заповедник с неизменными матрешками и балалайками, как придаток к системе воспитания добрых нравов. Если для иудея религия – образ жизни, для западного европейца – повод к действию, то для русского человека – это образ мышления. Кризис православной церкви на рубеже XIX-XX вв. был вызван именно этическим разладом: христианство проповедовали на словах, отяжелили риторикой и морализаторством. Между тем, «понимание Евангелия происходит через исполнение того, что оно говорит» [5, с. 61]. Процесс секуляризации культуры в полном объеме проявил себя после реформ Петра I: церковь превратилась в бюрократическое учреждение, а западные ценности посеяли в сердцах и умах просвещенных людей зерна индивидуализма, скептицизма, что, в свою очередь, породило нигилизм и цинизм в отношении традиционных духовных ценностей. Веками европейская система ценностей складывалась вокруг идеи личности. Православная соборная традиция понимает высшее проявление личности как «самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех» [1, с. 57]. В начале XX в. произошла трансформация соборности, – самопожертвование было направлено не на «ближнего», а на «дальнего». Христианский принцип человеколюбия подменяется абстрактным гуманизмом. Революционеры не верят, что «одна проповедь личного добра может исправить человечество». «Надо изменить условия самой жизни, а сердца поневоле привыкнут к добру, когда зло невозможно будет делать» [4, с. 272]. Гуманизм может также прикрываться утилитарными, прагматичными целями, но от этого он только мельчает, превращаясь в этику обывателя. Русские религиозные философы раньше своих западноевропейских коллег провели четкое разграничение культуры и цивилизации. Культура религиозна по своей сути, поскольку

устремлена к высшим идеалам. Цивилизация атеистична, ее развитие сконцентрировано вокруг идеи прогресса равнодушного к личности. Цивилизация стремится к массовости, усредненности, она утилизирует личность. Православная традиция через образ Христа (Се Человек) раскрывает со всей полнотой цель развития личности и пути ее самореализации. На этом выстраивается вся русская литература, философичная по своей сути, и вся русская философия, антропологичная по главной своей проблематике.

Значимость русской культуры во многом определилась тем, что в ее рамках смело ставились «проклятые вопросы». Неустроенность, мятежность русской души это и тяжкий крест, который в плане житейском вряд ли принесет благополучие, но это так же и великое преимущество перед сытой успокоенностью духа. Полярность русской души может восприниматься как ущербность. В каком-то смысле «русский человек – вечный утопающий, однако не утопленник» [2, с. 6]. Если история – не разрешение нравственных задач, а только их постановка, то русская культура с успехом их генерирует.

Однако ошибочно было бы русское православие рассматривать как одно из выражений русской культуры. Русская идентичность в значительной мере вдохновлена и оформлена православием, но русское христианство не вмещает в себя полноту христианства всего мира. «Говорить о совпадении русскости и православия – это унижение Божественного, вечного, беспредельного» [5, с. 62]. Во-первых, это может привести к духовной гордыне и самодовольству; во-вторых, станет препятствием для плодотворного диалога культур, вдумчивого, толерантного отношения к духовным ценностям других народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерофеев, В. Вера и гуманизм Достоевского /В. Ерофеев //В лабиринте проклятых вопросов: эссе. – М.: Союз фотохудожников России, 1996.
2. Ерофеев, В. Щель /В. Ерофеев //В лабиринте проклятых вопросов: эссе. – М.: Союз фотохудожников России, 1996.
3. Зеньковский, В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. /В.В. Зеньковский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
4. Леонтьев, К. О всемирной любви /К. Леонтьев //Ф.М. Достоевский и православие. – М.: Отчий дом, 1997.
5. Митрополит Суражский Антоний. Христианство сегодня /Митрополит Суражский Антоний //О встрече. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2000.
6. Розанов, В.В. Эмбрионы /В.В. Розанов //Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992.